

УДК 340.1

DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-147-156

Принципы права в современной юридической доктрине и практике

Владимир А. Цыгановкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, whitehall@bk.ru*

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты принципов права в современной юридической доктрине и практике: их нормативный либо ненормативный характер; их возможный статус как формальных источников права; методологическая роль в аналитическом определении степени развитости и правового качества регулятивных систем, институтов и практик. Обосновывается возможность применения принципов права для формирования неэссенциалистского определения «сущности права», что позволяло бы операционально применять данное понятие при эмпирическом исследовании, как отдельных правовых систем, так и при компаративистском анализе.

Ключевые слова: принципы права, нормы права, сущность права, источники права, юридическая доктрина, правопонимание

Для цитирования. Цыгановкин В.А. Принципы права в современной юридической доктрине и практике // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. № 2. С. 147–156. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-147-156

Principles of law in modern legal doctrine and practice

Vladimir A. Tsyganovkin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, whitehall@bk.ru*

Abstract. The article analyzes the problematic aspects of the principles of law in modern legal doctrine and practice: their normative or non-normative nature; their possible status as formal sources of law; methodological role in the analytical determination of the degree of the development and the legal quality of the regulatory systems, institutions and practices. It justifies the possibility of applying the principles of law to form a non-essentialist definition of the “essence

© Цыгановкин В.А., 2019

of law”, what would allow operational use of such a concept in empirical study the legal systems both particularly and in its commutative analyses.

Keywords: principles of law, rules of law, the essence of law, sources of law, legal doctrine, legal thinking

For citation: Tsyganovkin VA. Principles of law in modern legal doctrine and practice. *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series.* 2019;2:147-56. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-2-147-156

Многолетнее и всестороннее исследование различных аспектов принципов права в современной юридической науке позволило сложиться относительно доктринальному единству в их понимании, однако не сняло всех научно-практических проблем в данной области знания и не устранило расхождения между теоретическим объяснением и практическим функционированием данного феномена в системе правового регулирования современного общества.

Задачей данной работы является уточнение юридической природы принципов права как важнейшей категории современной юриспруденции (как научной, так и практической) в следующих проблемных аспектах: имеют ли правовые принципы нормативный характер; являются ли они формальными источниками права; и какова их функциональная роль в аналитическом определении степени развитости и правового качества регулятивных институтов, практик и систем современных обществ.

Современная эпистемология предполагает отказ от эссенциалистских интерпретаций содержания социальных явлений, и в частности – от классического фундирования права, означающего его познание через отсылку к априорному «сущностному» основанию, фундаменту или принципу данного феномена (например, в естественно-правовом или религиозном типе правопонимания) [1 с. 527–545]. В свою очередь, номиналистский подход с необходимостью предполагает не произвольное авторское маркирование явлений правовым критерием, а выявление таких общих черт условной и конвенциональной номинации людьми в разных обществах чего-то в качестве права, которые бы складывались в не эссенциалистскую, но методологически операциональную конструкцию «сущности» этого явления, что позволяло бы применять ее в качестве «идеального» объекта при эмпирическом исследовании конкретных правовых систем при их сравнении, в том числе в исторической динамике.

На протяжении большей части истории того, что называется юридической традицией, начиная с ее возникновения в античности,

правовое качество социальных норм и отношений выражаются через определенные регулятивные принципы: эквивалентность (т. е. справедливость), равенство перед законом, добросовестность и некоторые другие. Несмотря на разницу методологических и практико-юридических подходов к различным аспектам рассматриваемой категории (определению их нормативной либо ненормативной природы/феноменологизации; отнесения их к формальным источникам права либо исключительно к содержанию права и т. д.), тем не менее можно выявить относительно общепризнанную позицию, что принципы права – это выработанные юридической наукой и практикой основополагающие императивные идеи, которые выражают сущность права как особого социального регулятора и качественную определенность юридической традиции мышления и прагматики в целом. С.С. Алексеев, неоднократно выражавший «срединную» и принятую большинством позицию, определял принципы права как «сквозные идеи, отражающие его содержание, выражающие основы права, закрепляемые в нем закономерности общественной жизни, которые реально выражены в самой правовой материи... Они как бы «растворены» в праве, «разлиты» в нем, пронизывают собой многие правовые нормы» [2 с. 101]. Часто их также называют правовыми аксиомами, поскольку многие из них принимаются в юридической практике как нечто самоочевидное, само собой разумеющиеся и обязательное для выполнения.

Несмотря на то, что наиболее важные из подобных императивов в современном праве обычно формулируются в официальных источниках права, они применяются на практике как обязательные и руководящие положения абстрактного характера независимо от их официального закрепления в нормативных актах, прецедентах или договорах, то есть функционируют непосредственно как признанные юридическим сообществом (а на уровне общесоциальной легитимации – большинством субъектов права). По этой причине их также часто именуют доктринальными принципами права [3 с. 172], поскольку основной формой их бытия является правовая доктрина как синтез юридической интеллектуальной рефлексии (правовой науки) и соответствующей социальной прагматики (практической юриспруденции).

Соответственно, главным свидетельством и эмпирическим проявлением действия и действительности принципов права являются не только и не столько официально закрепленные регулятивные модели, именно устойчивые и типичные правоотношения.

Хотя, как отмечают исследователи, могут существовать различия принципов права, которые напрямую закреплены в законе, и принципов, существующих в правосознании, но не нашедших

закрепления в законодательстве, тем не менее оба этих вида юридических императивов реально действуют и применяются на практике [4 с. 17], или в противном случае не могут рассматриваться как актуальные современному праву регулятивные идеи (но иметь ценность как возможное отражение инерционных «следов» от более ранних исторических этапов существования этих систем либо как проявление попытки правовой инновации).

Одним из проблемных аспектов применения данной юридической категории является также ее рассмотрение в качестве разновидности формального источника права.

Как обоснованно отмечается в исследованиях по данному вопросу, «принципы права объективируются посредством их выражения в позитивном праве, через такое закрепление им придается качество общеобязательности. Формами внешнего выражения (позитивации) принципов права выступают Конституция РФ, законодательство (система нормативных правовых актов), судебные решения (прежде всего – решения Конституционного Суда РФ, который выводит принципы права из положений Конституции РФ и формулирует новые принципы права, явно не закрепленные в Конституции), а также правовая доктрина. В связи с этим принципы права сами по себе не могут рассматриваться в качестве форм внешнего выражения права (источников права в формальном смысле)» [5 с. 8].

В своем исследовании П.Е. Земскова показала, что «ни общепризнанные принципы международного права, ни общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, не являются самостоятельными источниками международного права и существуют в системе международного права как элементы, в первую очередь, договорных или обычно-правовых норм, а также определенных решений международных организаций и судов» [6 с. 12].

Обозначение принципов как особого вида форм права часто обусловлено aberrативным восприятием и использованием категории «источник» как того, на что можно/должно ссылаться при решении конкретных и типичных юридических дел. Действительно, в ряде национальных законодательств системы континентального права, как отмечают специалисты, закреплены общие нормы о том, что суды призваны рассматривать споры не только на основании действующих норм закона, но и в соответствии с общими принципами правопорядка [4 с. 17]. Можно тем не менее сделать вывод о том, что принципы не могут выступать как источник права в формальном смысле, если этот «источник» понимать в значении специфического способа словесно-знакового выражения правового содержания. Тем более это невозможно в рамках интерпретации принципов как

разновидности норм – ибо норма как основное регулятивное содержание права не может одновременно быть и своей собственной формой. Принципы, как отмечалось выше, изначально формализуются прежде всего в доктринальном виде, но могут быть выражены и в законе, и в прецеденте, и в обычае, и в договоре *erga omnes*. Встретить же в правовой реальности принцип сам по себе, вне одного из традиционно принятых в соответствующем обществе для формализации права юридических текстов, попросту невозможно.

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о нормативном или ненормативном характере принципов права. Так все-таки, нормы или императивные идеи? В российской юриспруденции принципы права чаще всего классифицируют как разновидность правовых норм. («Принципы права характеризуются как правовые нормы общего характера, обладающие высоким уровнем абстракции») [5 с. 12]. Поскольку принцип права представляет собой единство теоретической мысли и реального юридического требования, это, по мнению специалистов, позволяет относить его как к категории правосознания, так и одновременно видеть в нем положение нормативного характера, выражающее идейное содержание права [7 с. 6].

При этом еще Ф. Регельсбергер отмечал, что вывести принцип как идейное обобщение множества отдельных норм часто бывает непросто, и иногда за него ошибочно принимаются простые правила [8 с. 152].

Объяснение стремления представить принципы именно как разновидность норм может вытекать из формалистического позитивистского понимания самой категории «нормы» как любого самостоятельного текстуального положения официального источника права.

Существенное различие двух уровней содержания права – норм и принципов – чаще характерно для юристов-практиков [9 с. 201]. Один из судей Конституционного Суда Италии проводит принципиальное различие между конституционными положениями, формулирующими обычные «юридические правила», и положениями, закрепляющими правовые принципы, которые отличаются наивысшей степенью нормативной обобщенности и неконкретным юридическим содержанием [10 с. 80–82]. Проблематичность признания нормативного характера принципов права в рамках континентальной юриспруденции обусловлена также возможным разрушением в таком случае целостности юридической догматики, предполагающей конструкцию правовой нормы, состоящей из конкретизированных содержательно-определенных элементов (прав и обязанностей), которые в большинстве случаев не могут быть выявлены в абстрактной конструкции принципа.

Возможно, наиболее значимый с практической точки зрения аспект доктринального спора о нормативном или ненормативном характере принципов права заключается в том, что признание исключительной нормативности основных начал права может вести к отрицанию обязательности тех из них, что не нашли закрепления в положениях официальных источников права. Прежде всего это касается тех стран, где доктрина не является официальным источником норм права, и соответственно, отсутствие конкретных принципов в правовом положении закона или признанного в данной системе международного договора обусловит невозможность их применения в юридической практике (что не происходило бы в случае признания исходного ненормативного, а следовательно, и наднормативного доктринального характера принципов).

Позиция отстаивания исключительно нормативного характера принципов права в значительной мере обусловлена отождествлением нормативности и обязательности в праве, из чего делается вывод о том, что ненормативные идеи не являются юридически обязательными. Соответственно, «представление принципов права в качестве идей приводит к утрате их практического значения, нивелированию их роли в правовом регулировании» [5 с. 7]. Хотя, например, отсутствие качества нормы у индивидуальных властных предписаний *ad hoc* или у субъективных прав и обязанностей, установленных в нетипичном (не предусмотренном нормой) договоре, как известно, не лишает их юридической обязательности.

Само различие двух способов преодоления правовых пробелов – аналогия закона и аналогия права – содержательно основывается на разнице принципов и норм, так как обращение к общим правовым началам является следствием невозможности нахождения содержательно аналогичных требуемым правовым правилам.

Тенденции релятивизации общей юридической нормативности делают сегодня более актуальными правовой плюрализм, ситуативное регулирование и его индивидуализацию [11 с. 80–84]. При этом сохранение таким ситуативным регулированием своего правового качества (при уходе от доминирующей нормативности) возможно только при неизменности его основных начал как общих концептуальных рамок, не позволяющем «развалиться» всей системе юридических регулятивных конструкций и окончательно релятивизироваться. Именно принципы права призваны определять содержание правового регулирования, выступая в качестве универсального критерия правомерности действий субъектов в сфере права. Они широко используются в практике государств для определения норм, подлежащих применению, разрешению коллизий правовых норм, конкретизации общих норм, ликвидации «пробелов» в праве [6 с. 20–21].

Полная определенность в праве как урегулированность всех возможных ситуаций на основе заранее известных и конкретных юридических правил недостижима, поскольку постклассическая наука признала принципиальную непредсказуемость меняющегося контекста, что означает невозможность полностью однозначного формулирования каких-либо правил (правотворчества) и их идентичного применения и реализации. Следовательно, ситуативное и фактически ненормативное регулирование, в том числе в форме усмотрения правоприменителя, остается неизбежным из-за многозначности формулировок, оценочных категорий, пробелов в праве, дихотомии абстрактного и конкретного. И наиболее важными ограничителями при такой регуляции, позволяющими обеспечить ее правовой характер, ограничивая перерастание усмотрения в произвол, являются общие принципы права.

Заключение

В качестве итоговых выводов произведенного аналитического разбора могут быть предложены следующие теоретические положения.

Переход к непозитивистской неклассической доктрине социологического типа, предполагающей отказ от формалистического понимания феномена нормы, обозначает признание особого самостоятельного характера конструкции «принципа» относительно независимой от конструкции «нормы» права, то есть обозначение их нетождественности.

Необходимое при таком парадигмальном доктринальном переходе сохранение преемственности и относительной целостности юридической догматики, как ни странно, также требует более четкого категориального разделения «принципов» и «норм», особенно в рамках российской доктрины ввиду сложившегося в ней устойчивого представления о норме как правиле поведения предостаточно-обязывающего характера, устанавливающего права и обязанности сторон и состоящего из конкретных структурных элементов (чему, как правило, не отвечает в высшей степени абстрактная внутренняя конструкция принципа).

При этом даже в рамках неклассического и непозитивистского догматического подхода возможно представление о нормативном характере принципов права в следующих смыслах: а) принципы выступают результатом (идейной квинтэссенцией) доктринального индуктивного обобщения множества правовых норм; б) принципы наряду с нормами являются непосредственными регуляторами

правовых социальных взаимодействий; в) принципы служат относительно внешним по отношению к отдельным нормам критерием определения их правового характера (как в рамках научного анализа, так и в ходе юридически обязательного толкования норм).

При этом принципы не могут выступать как источник права в формальном смысле, если этот «источник» понимать в значении специфического и устоявшегося способа словесно-знакового выражения правового содержания, поскольку принцип как наиболее общее и абстрактное регулятивное содержание права не может одновременно быть и своей собственной формой.

Актуализация методологического (в научном плане) и функционального (в доктринальном и практическом аспекте) значения общих принципов права обусловлено тем, что с точки зрения современной постклассической гносеологии правовые явления должны рассматриваться не просто как социокультурно обусловленные, релятивные и детерминированные контекстом, но и с учетом тех исторически сложившихся и повторяющихся инвариантных внутренних связей, которые позволяют характеризовать их как качественно определенные и, соответственно, операционально применять основные юридические понятия в одинаковом интерсубъективном смысле. Такой метауровень содержания права может быть адекватно выражен именно через конструкцию основных принципов права.

Литература

1. *Мелкевик Б.* Философия права в потоке современности // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1 / Под ред. А.В. Полякова. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 527–545.
2. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
3. *Четвернин В.А.* Введение в курс общей теории права и государства: Учеб. пособие. М.: Ин-т государства и права РАН, 2003. 204 с.
4. *Коновалов А.В.* Принципы права в доктринах и законодательстве стран континентальной правовой семьи // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 14–24.
5. *Сидоркин А.С.* Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
6. *Земскова П.Е.* Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 170 с.
7. *Вопленко Н.Н., Рудковский В.А.* Основные принципы права: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2013. № 1. С. 32–39.
8. *Регельсбергер Ф.* Общее учение о праве. М.: Типография И.Д. Сытина, 1897. 295 с.

9. Земскова П.Е. Понятие «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями» // Вестник РГГУ. Серия «Юридические науки», 2010. № 14. С. 200–205.
10. Загребельский Г. Толкование законов: стабильность или трансформация? // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3 (48). С. 80–82.
11. Глухарева Л.И. Межиндивидуальное право как сфера сокращения правового взаимодействия государства и личности // Современное государство и личность в историческом и философско-правовом осмыслении: Материалы XII Философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М.: Норма, 2018. С. 80–84.

References

1. Melkevik B. Philosophy of Law in the stream of modernity. *Russian Yearbook of Theory of Law*. 2008. № 1. Saint Petersburg: SPbGU Publ.; 2009. P. 527-45. (In Russ.)
2. Alekseev SS. Collected Works: In 10 v. V. 3: Issues of Theory of Law. Course of Lectures. Moscow: Statut Publ.; 2010. 781 p. (In Russ.)
3. Chetvernin VA. Introduction to the course of the general theory of law and the state. Tutorial. Moscow: RAS Institute of State and Law Publ.; 2003. 204 p.
4. Konovalov AV. Principles of law in the doctrines and legislation of the countries of the continental legal family. *Journal of Russian law*. 2018;8:14-24. (In Russ.)
5. Sidorkin AS. Principles of law. The concept and implementation in the Russian legislation and judicial practice: Avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2010. 25 p. (In Russ.)
6. Zemskova PE. The general principles of law recognized by civilized nations in international law: Dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2010. 170 p. (In Russ.)
7. Vopenko NN., Rudkovsky VA. The basic principles of law: the concept and classification. In: Bulletin of the Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence. 2013;1:32-39. (In Russ.)
8. Regelsberger F. (1897) The General Theory of Law. Moscow: Tipografiya I.D. Sytina Publ.; 1897. 295 p. (In Russ.)
9. Zemskova PE. The conception of “general principles of law recognized by civilized nations”. RSUH / RGGU Bulletin. “Law” Series. 2010;14:200-205. (In Russ.)
10. Zagrebelsky G. (2004) Interpretation of laws: stability or transformation? *Comparative constitutional review*. 2004;3(48):80-82. (In Russ.)
11. Glukhareva LI. Inter-individual law as a sphere of reduction of the legal interaction of the state and the individual. *Modern state and personality in the historical and philosophical and legal understanding*. Proceedings of the twelfth philosophical and legal Conference in memory of Acad. VS. Nersesyants. Moscow: Norma Publ.; 2018. P. 80-84. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир А. Цыгановкин, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; whitehall@bk.ru

Information about the author

Vladimir A. Tsyganovkin, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; whitehall@bk.ru